

*Николай
Александров*

Николай Александров

ВСЁ МОЁ

*Повесть в письмах
Эссе*

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление переплета и фотографии автора —
Андрей Рыбаков

Александров, Николай Дмитриевич.

А46 **Всё моё** : повесть в письмах, эссе / Николай Александров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 349, [3] с. — (Культурный разговор).

ISBN 978-5-17-107889-8

Николай Александров — известный журналист и ведущий литературных программ на каналах «Культура» и «ОТР», на «Эхе Москвы»; автор книги «Силуэты пушкинской эпохи», собрания бесед с зарубежными и русскими писателями «Тет-а-тет» и «С глазу на глаз».

Книга «Всё моё» — это опыт свободного размышления, без канонов и жанров, где нашлось место и повести в письмах, и мемуару, и парадоксальной эссеистике, и рассуждениям о вине, гусях и рыбалке. И конечно — о литературе, как подсказке, поводу для размышлений над всем на свете.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107889-8

© Александров Н.Д.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

Письма Соломонову	9
--------------------------	---

Буквы

Трудно быть Сумароковым	81
Пушкиным быть легко	89
Дар утешения	92
Правила из исключений	96
Бог и шельма	99
Какой-то Гоголь получается	102
Шутки шутить и дураков дурачить	105
Смех — дело деликатное	108
Оправдание по Добчинскому	112
Ятл	115
Аналог невинности	119
Попутал гендер	122
«Добро, петровичь, ино еще побредем...»	126
«Перепер он нам Шекспира на язык родных осин»	130
Надзирать или объяснять?	134

Скоро только кошки родятся	137
Путем трэша	141
Миф об оригинальности	145
Путешествие к дилетантам	148
Виртуальная власть	151
Царь кошей, или царь-вампир	154
Эпоха омоложения	157
«Эти глаза не сморгнут...»	161
Предел мемориальности	164
Город Лунный и город Солнечный	167
Гений слов	170

Быт

Было и прошло	183
Пасхальный киндер-сюрприз	186
И к гадалке не ходи	190
Одежды знак — пустой призрак	194
По системе Михаила Чехова	198
Во всех ты, душенька, нарядах хороша	201
Лирика жеста	205
«Просто так» — ничего не получается	208
Камера творит мир	211
Кинопрофанация	214
«Вниманье долгих дум»	217
Наша вторая мать	221
Летнее заключение	224
Анатомия отпуска	227
Наша Агриопа	230
Старье берем	233
Блюстители чистоты	236
Другая история	240
Волково	243
Lupus non mordet lupum	246

Немного о фэн-шуй	249
Двор, пустырь и шашлык	253
И полено может быть куклой	257
Миф о мяче	260
Все тот же цирк	264
Сермяжность	268
Чувствовалище	272
Вкус поцелуя	275
Миропотребление	278

Еда

Кулинарный апокалипсис	283
Наступило новое божоле!	286
Наша сила в ложках	289
Проще — не парить	293
Первое против третьего	296
Просто мясо	299
Мороженое за двадцать восемь	302
Вино, гуси и святой Мартин	305
Предпочитают мармелад, а также пастилу	309
Купите лук, зеленый лук...	311
Его величество кулич	315
Осторожно: кости	318
Коктейль вернулся	322
Жарить или варить?	325
Чего бы такого съесть...	328
Музыка играет	331
Водицы напиться	334
Ab ovo, или о яйце	337
Здравствуй, новая ветчина	340
Вобла вышла из моды	343
Испытание праздником	347

**ПИСЬМА
СОЛОМОНОВУ**

«**П**исьма Соломонову». Так будет называться моя «крутая повесть», по твоему выражению, или «мой проект», как сегодня принято говорить.

А почему нет?

Мне просто нужен собеседник, доверенное лицо. А доверять мне некому.

Я даже себе не могу доверять, а если бы и доверял, то писал не повесть в письмах, а дневник.

Рассказывал бы себе о самом себе. Звучит глупо. Хотя разве писатели не занимаются именно этим?

Повесть в письмах — хоть какое-то отстранение.

Дело в том, что у меня нет воображения. Любая история, которую я придумываю, легко сводится к формуле — ОН и ОНА. Это в лучшем случае. Представить, что с ними происходит, — выше моих сил. Впрочем, даже их самих представить трудно.

Я вообще плохо рассказываю. Я путаюсь в словах и мыслях. В дискурсах — тоже путаюсь. Ну какой смысл, например, так начинать повесть в письмах. Даже если я пишу предисловие. Обычно предисловие пишут уже после того, как текст завершен. А я только начинаю. Плана у меня нет. Насколько меня хватит — не знаю. Может быть, и не хватит.

Наверное, нужно поставить точку. Предисловие окончено. Правда, оно ни о чем не говорит. Это — насильно завершенный текст. Это принуждение к молчанию. Оборванность. Фрагмент.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Главное, что у меня есть, — это я сам. Меня у меня — не отнять, пока Я остаюсь тем, что внутри себя называю Я.

Я — может отнять болезнь и превратить в другое Я или в не Я. В испанского короля, в Гоголя, Достоевского, в кролика.

Мне мое Я суждено нести всю мою жизнь. И это нелегко, каким бы Я ни было.

Я не уверен, что мое Я развивается. Мне кажется, что в основе, в сути своей, я равен себе пятилетнему, равен тому душевному комку, который впервые с удивлением посмотрел на себя в зеркало, который впервые представил и с изумлением понял, что он для чего-то запущен в этот мир.

Я помню этот день. Я катался, повиснув на двери, которая вела из комнаты родителей в гостиную нашей квартиры на Чистых прудах, и впервые осознал — вот это Я. Я — вот этот маленький шпендель.

А вокруг меня — мир. И почему я здесь — совершенно непонятно. И главное — я кончусь когда-нибудь.

Осознание себя — это осознание своей смертности, конечности. Я — временно здесь, но что потом — неведомо. Все скорее чувствуется, чтобы пробудиться позже. И я помню, когда ЭТО произошло.

Мне было десять лет. Я был в пионерлагере. В месте, которое мне не нравилось. И окружающие меня люди мне не нравились. Я был в изгнании. Я был бездомным, выброшенным из домашнего уюта, тепла, из привычного существования, привычного круга вещей. И вот ночью, на узкой казенной пионерской кровати, я неожиданно понял — когда-нибудь я умру, прекращусь. Но что это такое — прекращусь? Что значит — меня не будет? Куда денется мое Я? Этого я понять не мог. И пришел ужас. Он возник как звук, и звук этот вторгался в мое существование, гудел монотонным постоянным фоном. Он затихал днем, но обретал силу ночью. Он вошел в меня, вжился в меня, все время напоминал о себе. Он был больше чем болезнь, поскольку был неотвратимее, поскольку не давал надежды на спасение. Казалось, о нем невозможно забыть, привыкнуть к нему. Он был настойчив и упрям. И безжалостен. Но я привык. Постепенно. Я научился его заглушать. Я привык к моментам его возвращения, к охватывающему темному, непроглядному отчаянию, к настойчивому напоминанию о грядущей катастрофе.

Все закончится, все прекратится, ничего не будет. Но как это все осознать? Никак. Этого просто

не может, не должно произойти. Но ведь произойдет.

Мы с детства верим в свою исключительность, особость, неповторимость, гениальность. Я, по крайней мере, верю. И в этом нет ничего позорного, стыдного. Конечно, я — особый, исключительный. Разве нет? По идее, эту особость не нужно и демонстрировать. Она существует как данность.

Толстой говорил, что нужно забыть о своем Я, что «забвение о себе» и есть путь спасения.

Вот и Пелевин с буддистской настойчивостью талдычит об этом же, то есть говорит о призрачности Я. Нет никакого Я, и всё тут.

А я о себе забыть не могу. О смертности своей привык забывать. А о себе — нет.

И если до конца забыть о себе, не значит ли это просто умереть, слиться с открывшимся в детстве ужасом, завершиться, исчезнуть, что бы это ни значило?

Забвение о себе... Пьянство, например, ведь тоже — забвение. И соблазн, позыв, стремление — скинуть эту тяжкую ношу, это давящее Я.

Куда с ним деваться, кому это Я принести, с кем разделить этот груз?..

Вот отсюда и писательство.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Дорогой мой друг! Я был болен. Я хворал. Я физиологически переживал свою экзистенциальную несостоятельность. То есть мне было худо

вдвойне. Я не мог написать ни строчки, потому что мне был невнятен сам смысл написания строк, вымучивания слов, сам процесс измышления. Кроме того, у меня был насморк, болела голова и першило в горле.

На самом деле я написал тебе раньше. Еще четыре письма. Но отсылаю их только сегодня. Поэтому и письмо сие значится за номером пять.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Люди стесняются говорить о своей смерти, о своей смертности. Хотя почему-то считается приличным говорить о смерти другого, переживать, испытывать горе.

Смерть присутствует в каждом как данность, как безусловный факт. Вне зависимости от того, как ты ее понимаешь: как переход куда-то или как завершение пути, тупик, исчезновение. В любом случае она будет.

Смерть есть. И это страшно. Страшно для Я.

Чувствовать свою смертность неуютно. Но можно о смертности забыть. И задуматься о другом — куда нести свое неповторимое Я, кому?

Мы играем словами, и вся наша жизнь — слова, воплощенные или невысказанные. Мы все — писатели. И чем больше мы забываем о смерти, тем безответственней становятся слова. Наверное, так.

Впрочем, я готов играть словами. Не то чтобы мне нравилось болтать (легкость в разговоре, непринужденность светской беседы — не мой конек), но болтовня иногда может быть полезной, помога-